

ЛЕОНИД
ИСАЕВ,
ДАРЬЯ
БОБАРЫКИНА

Леонид Маркович Исаев (р. 1987) – доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Африки РАН.

Дарья Алексеевна Бобарыкина (р. 1998) – лаборант-исследователь кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов.

Клановый федерализм в Сомали¹

Сомали по праву считается одним из самых нестабильных мест в мире, а сомалийский конфликт расценивается как один из наиболее сложных кризисов современности. Это, впрочем, не удивительно: история Сомали представляет собой бесконечную борьбу кланов, число которых в этой стране почти не поддается учету². При этом вплоть до начала 1960-х на сомалийских землях вообще не было собственной государственности: они входили в состав чужих империй, либо местных, либо европейских. В 1960 году в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН Британский Сомалиленд и Итальянское Сомали объединились в единое государство, названное Сомалийской Республикой. В него, однако, не вошли еще три территории, где тоже преобладали этнические сомалийцы: регион Огаден был передан англичанами Эфиопии, Северный пограничный округ (ранее часть сомалийского Джубаленда) был закреплен ими же за Кенией, которая в 1960 году еще оставалась британской колонией, а Французская территория афаров и исса (Французское Сомали) не смогла уйти из-под управления Парижа³. Совокупность решений, установивших границы Сомали, послужила одним из факторов, предопределивших неудержимую фрагментацию этого политического пространства в последующие годы. Более того, учреждение независимого государства не добавило сомалийскому обществу сплоченности: с обретением национального суверенитета противоречия, разделявшие кланы, нигде не делись, причем многие подобные общности и вовсе заявляли о том, что их включили в новообразованное государство насильственно.

1 Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00123).

2 Точные оценки дать затруднительно, однако принято считать, что в стране более сотни этнических кланов, традиционно соперничающих друг с другом. См.: LEWIS I. M. *Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Saho*. London: HAAN Associates, 1994; SSEREO F. *Clanpolitics, Clan-Democracy and Conflict Regulation in Africa: The Experience of Somalia* // *The Global Review of Ethnopolitics*. 2003. Vol. 2. № 3–4. P. 25–40. См. также: Алейников С. В. *Современное Сомали (Сборник информационно-справочных материалов)*. М.: Институт Ближнего Востока, 2019. С. 63–68.

3 См.: АЛЕКСЕЕВ А. *Не страна, а одно название. Что произошло в Сомали за 60 лет независимости* // Коммерсант. 2020. 4 июля (www.kommersant.ru/doc/4405229).

НЕВООБРАЗИМАЯ КЛАНОВАЯ ПАЛИТРА

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

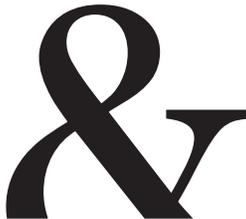
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

В сомалийском обществе огромное значение имеет клановая структура, опирающаяся на уникальные культурные и исторические основания. Разумеется, кланы играли заметную роль в оформлении политического ландшафта страны на каждом этапе ее истории. Исследователи выделяют в сомалийском обществе пять основных клановых групп: дарод, хавийа, исаак, раханвейн и дир, каждая из которых ведет свое происхождение от более или менее разных предков. Все эти группы сначала структурируются на кланы, а потом делятся на более мелкие родовые единицы.

Кратко охарактеризуем каждую из упомянутых клановых групп. Точная численность их неизвестна: принято считать, что на дарод, хавийа и исаак приходится по 20–25% населения, на раханвейн – 17%, на дир – 7%⁴. Клановая группа дарод входит в разряд крупнейших и сильнейших в стране. Внутри нее выделяются 20–30 кланов, в том числе такие влиятельные, как марехан, огаден, долбаханте, маджертин и варсангали. Группа в основном локализована в северо-восточной части Сомали, включая регионы Пунтленд и Сомалиленд. При этом клан огаден проживает не только в одноименном сомалийском регионе, но и на территории соседней Эфиопии. Примерно столь же многочисленной является клановая группа хавийа, которая подразделяется на 12–18 кланов, включая абгал, хабр гедир и хавадле. В основном представители хавийа населяют центральные и южные регионы страны, включая столицу Могадишо и ее окрестности. К первым двум группам по численности примыкает клановая группа исаак, освоившая северо-западные районы Сомали и выступающая главным кланом Сомалиленда; кроме того, она занимает Пунтленд и отдельные сегменты Джибути и Эфиопии. Исаак насчитывает 20–25 кланов, в том числе хабар авал, хабар юнис и хабр джало. Клановая группа раханвейн, заселившая юго-западную часть Сомали (включая берега двух ее крупнейших рек), чуть меньше трех предыдущих; в ней выделяются кланы дигил и мирифле. Наконец, самой малочисленной оказывается клановая группа дир. Выходцы из нее живут на сомалийском юго-западе. Группа дробится на 10–15 кланов, включая гадабурси и исса⁵.

4 См.: Коновалов И.В. *Распад государства и гражданская война в Сомали*. М.: Социально-политическая мысль, 2010. С. 173.

5 Подробнее о клановой структуре Сомали см., например: AMBROSO G. *Clanship, Conflict and Refugees: An Introduction to Somalis in the Horn of Africa*. 2002 (https://arcadia.sba.uniroma3.it/bitstream/2307/4150/1/Clanship_%20conflict%20and%20refugees_An%20introduction%20to%20Somalis%20in%20the%20Horn%20of%20Africa.pdf); *Clans in Somalia. Report on a Lecture by Joakim Gundel, COI Workshop Vienna, 15 May 2009*. Vienna: Austrian Red Cross, 2009 (www.ecoi.net/file_upload/90_1261130976_accord-report-clans-in-somalia-revised-edition-20091215.pdf); LEWIS I.M., SAMATAR S.S. *A Pastoral Democracy: A Study of*

После получения независимости законодательный орган – Национальную ассамблею Сомали. И президентом страны, и премьер-министром стали политики, представлявшие бывший итальянский Юг. Хотя коалиционный кабинет министров формировался с включением представителей всех основных групп, в высшем эшелоне ощутимо доминировал клан дарод, что явно не устраивало конкурирующий клан исаак⁶. Довольно скоро выяснилось, что темпы формирования единого государства заметно опережают складывание по-настоящему работоспособных политических институтов; кроме того, этническая специфика в этих процессах игнорировалась подчас самым беззащитным образом. Из-за такого положения вещей северные сомалийцы довольно скоро разочаровались в новорожденной государственности; однако в интересах сохранения союза бывший Британский Сомалиленд все-таки согласился на условия, предложенные южными лидерами. Большинство высших должностей во властных структурах, расположившихся в Могадишо, достались представителям южных кланов; разумеется, северяне не могли не роптать по этому поводу, но к тому моменту Сомалиленд еще был не готов к сецессии⁷. Несмотря на наличие политических свобод и регулярное проведение президентских и парламентских выборов, граждане молодого государства, подобно людям в других частях Африки, страдали от экономической отсталости и всеобщей коррупции. Хотя скоропалительное экспериментирование с демократией западного образца было отмечено бурной деятельностью шести десятков политических партий, оно оказалось недолгим.

Противоборство северных и южных кланов сопровождало весь краткий период демократического правления, причем Юг стабильно брал верх над Севером. Специалист по Сомали Иван Коновалов пишет:

«Традиционное противостояние и взаимное недоверие привели к созданию фактически клановых политических организаций. Размежевание шло по нескольким направлениям. Северяне (Сомалиленд) против южан (Итальянское Сомали), “кочевые” кланы против “земледельческих”. И исполнительная, и законодательная власть оказались под контролем клана маджертин [клановой группы дарод], что лишь подпитывало межклановый антагонизм. Другие кланы справедливо считали себя обделенными»⁸.

Pastoralism and Politics among the Northern Somali of the Horn of Africa. London: James Currey Publishers, 1999.

6 См.: Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 14–20.

7 См.: АНМЕД I. I. *The Heritage of War and State Collapse in Somalia and Somaliland: Local-Level Effects, External Interventions and Reconstruction* // *Third World Quarterly.* 1999. Vol. 20. № 1. P. 113–127.

8 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 19–20.

Несколько раундов парламентских и президентских выборов, проведенных в молодой республике до установления в 1969 году военной диктатуры, никак не меняли общей закономерности, сохранявшейся после любых обновлений. Несмотря на то, что сомалийский президент Аден Абдулла Осман Даар, проигравший в 1967 году президентские выборы собственному премьер-министру, стал первым(!) главой африканского государства, добровольно оставившим свой пост, политическая система продолжала воспроизводить одни и те же паттерны: в борьбе за властные институты южане одолевали северян, а кочевники брали верх над земледельцами. Наличие неразрешимых противоречий все более ощутимо дестабилизировало страну.

Абдирашид Али Шермарк, сменивший Даара на посту главы государства и представлявший все тех же южных нотаблей, попытался упрочить молодую государственность, предложив в премьер-министры Мохамеда Ибрагима Эгаля – политика-северянина, который уже занимал министерский пост в первом правительстве независимого Сомали⁹. Этот жест, однако, не смог убедить тех политических акторов, которые, разочаровавшись в доминировании одних и тех же этнических групп, «видели выход в том, чтобы прекратить засилье во властных структурах представителей кланов дарод – и прежде всего маджертин»¹⁰. В октябре 1969 года, использовав недовольство силовых структур предложенной правительством реформой армии и полиции, они организовали убийство президента Шермарка. Эгаль, которому в качестве председателя кабинета министров предстояло курировать избрание нового президента национальным парламентом, не справился со своей задачей: в СМИ циркулировали слухи о том, что депутаты подготавливают что-то вроде аукциона, на котором место главы государства якобы будет продано. Как и во многих других постколониальных обществах, явная недееспособность гражданской администрации послужила предлогом для выхода на авансцену военных: в ночь на 21 октября 1969 года подразделения под командованием начальника штаба вооруженных сил, генерал-майора Мохамеда Сиада Барре, провели успешный военный переворот. Пutschисты сформировали Высший революционный совет, сосредоточивший в своих руках исполнительную, законодательную и судебную власть, а Барре был провозглашен его председателем. Действие Конституции было приостанов-

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

9 В 1963 году граждане Сомалиленда, разочаровавшись в функционировании новой республики, поставили Эгаля перед выбором: или продолжать работать в правительстве, разорвав свои связи с Севером, или уйти в отставку, сохранив свою электоральную базу. Он выбрал второй вариант. Подробнее см.: FORTI D.R. *A Pocket of Stability: Understanding Somaliland*. Umhlanga Rocks: The African Centre for the Constructive Resolution of Disputes, 2011. P. 13–14.

10 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 20.

лено, парламент и политические партии распущены, прежняя политическая верхушка арестована. Вскоре после прихода к власти инициаторы «октябрьской революции» объявили, что страна встает на рельсы «научного социализма»¹¹. Одной из задач государства было провозглашено искоренение клановой структуры сомалийского социума.

ПРЕДПОСЫЛКИ БУДУЩЕГО РАСПАДА

Несмотря на то, что «приход к власти военных многими в стране рассматривался как выход из политического кризиса, как возможность прекратить клановую борьбу в высших эшелонах власти, уничтожить разросшуюся коррупцию, взяточничество и nepотизм»¹², сомалийские кланы после переворота никуда не делись. Провозглашенное новым режимом неприятие клановости, по большому счету, оказалось фикцией: на практике оно вылилось в борьбу с оппозицией, ставшую особенно жесткой через десятилетие, после поражения Могадишо в войне с Аддис-Абебой за Огаден (1977–1978) и последовавшей после него попытки военного переворота. С одной стороны, сомалийцам под страхом наказания запретили приветствовать друг друга словами «Из какого ты клана?», а лидерам кланов начали выплачивать государственные пособия, призванные сделать их более покладистыми и встроить в официальную управленческую систему. Но, с другой стороны, новоявленный диктатор мог удержать власть, только используя собственные племенные ресурсы, и никак иначе. Как и следовало ожидать, такой опорой для режима Сиада Барре выступила клановая группа дарод в лице трех ее кланов: марехан (клан отца диктатора), огаден (клан матери диктатора) и долбаханте (клан зятя диктатора). Один из ведущих специалистов по Сомали, антрополог Айозн Льюис писал:

«В то время, как меры, направленные на ликвидацию клановых разногласий и установление прочных уз национальной солидарности, продвигались на всех уровнях внутри государства, сам глава режима опирался на узы лояльности. Фактически он построил свой внутренний круг власти из членов трех родственных субкланов»¹³.

Выходцы именно из них составили костяк элитных военных подразделений, ставших силовым оплотом диктатуры и репрес-

11 Об экономической программе «научного социализма» см.: METZ H.C. (Ed.). *Somalia: A Country Study*. Washington, DC: Library of Congress; Federal Research Division, 1992. P. 126–130.

12 Коновалов И.В. *Указ. соч.* С. 22.

13 LEWIS I.M. *The Ogaden and the Fragility of Somali Segmentary Nationalism // African Affairs*. 1989. Vol. 88. № 35. P. 574.

сировавших оппозиционные кланы. Из двенадцати членов Высшего революционного совета десять представляли клановую группу дарод¹⁴.

При новом режиме клановость стала мощным фактором не только внутренней, но и внешней политики. Прежде всего это проявилось в период войны в Огадене, развязанной Барре ради укрепления своих политических позиций и обосновываемой идеей так называемого «Великого Сомали». Этот концепт, который в начале XX столетия сформулировал сомалийский интеллигент-националист, а позже один из видных деятелей независимого государства Абдуллахи Исса, предполагал объединение под эгидой общей государственности всех территорий, на которых проживают этнические сомалийцы. Принцип «Великого Сомали» обладал немалым мобилизующим потенциалом; кроме того, он очень органично вписывался в провозглашенные диктатурой цели, включая перестройку всего социального уклада, преодоление племенной и клановой раздробленности, обеспечение единства сомалийского народа¹⁵. Власти Могадишо считали регион Огаден сомалийским, по недоразумению доставшимся эфиопам. По замыслу Барре, возвращение Огадена «домой» должно было укрепить позиции дарод и подтвердить легитимность его доминирования в стране¹⁶.

На фоне набирающих силу великодержавных амбиций нарастало недовольство кланов, оттесненных сторонниками Барре от власти, причем подобное происходило даже внутри доминирующей клановой группы дарод. Так, одна из первых подпольных структур, намечавших свержение диктатора, была создана офицерами из клана маджертин; весной 1978 года, когда поражение сомалийской армии стало очевидным, они предприняли попытку путча, но в большинстве своем были арестованы и казнены. Тем не менее полковник Абдуллахи Юсуф Ахмед, один из организаторов провалившейся акции и будущий президент Сомали, сумел бежать в Эфиопию. Там по его инициативе был учрежден Сомалийский фронт спасения, который, объединившись с другими оппозиционными группами, через три года был преобразован в Сомалийский демократический фронт спасения. После того, как эта группировка при поддержке эфиопских вооруженных сил развернула партизанскую войну с правящим в Могадишо режимом, власти провели ряд карательных операций в северо-восточных районах Сомали, где традиционно расселен клан маджертин¹⁷.

14 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 23.

15 LEWIS I. M. *A Modern History of the Somali: Nation and State in the Horn of Africa*. Athens: Ohio University Press, 2003. P. 29.

16 Подробнее см.: НОЕННЕ М. В. *Why Did Somalia Invade Ethiopia in 1977? Revisiting the Ogaden War* // *Journal of Eastern African Studies*. 2014. Vol. 8. № 4. P. 573–590.

17 О последствиях войны в Огадене см.: АНМЕД I. I. *Op. cit.*

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Недовольство накапливалось и внутри иных клановых групп. В 1981 году небольшое сообщество сомалийских эмигрантов, в которое входили коммерсанты, богословы, интеллектуалы и бывшие офицеры – все из клановой группы исаак, – объявило в Лондоне о создании Сомалийского национального движения, руководителем которого стал Ахмед Мохамед Гулед Джимале. Этот политик не принадлежал к сторонникам сосуществования сомалийского Севера и сомалийского Юга под крышей общего государства, однако в то время, надеясь сплотить против режима Барре максимальное число сомалийских кланов, он придерживался компромиссной позиции «радикальной децентрализации», которая предполагала широкую автономию для северных районов страны. Однако отнюдь не все группы Севера были готовы к открытой конфронтации с диктатурой; к серьезным раздумьям о политическом самоопределении северных нотаблей подтолкнули лишь масштабные репрессии, развернутые в отношении оппозиционных кланов в 1980-е. Руководство Сомалийского национального движения пыталось также объединить усилия с представителями Сомалийского демократического фронта спасения, однако эти импульсы затухали из-за того, что верхушка клана маджертин не собиралась пересматривать унитаристские устои сомалийского государства: ее не устраивала личность, возглавлявшая режим, но к самой административно-территориальной модели претензий не было. Надо сказать, что потенциальному единству оппозиции препятствовали не только междоусобные разногласия, но и интриги властей Могадишо. Так, желая дискредитировать своих противников из клановой группы исаак в глазах других общностей, режим объявлял принадлежавших к ней старших офицеров нести службу в регионах проживания клана маджертин, где правительством велись боевые действия против местных партизан; разумеется, подобные меры не способствовали взаимному доверию между оппонентами Барре.

Между тем открытые оппозиционеры из числа исаак, объединившиеся в Сомалийское национальное движение, в 1982 году тоже перебрались в Эфиопию, где попросили местный режим о поддержке. Опираясь на помощь революционеров из Аддис-Абебы, Адена и Триполи, они начали операции против сомалийских правительственных войск в северной части страны – причем некоторые из таких акций, включая освобождение тысячи заключенных из тюрьмы неподалеку от порта Бербера, оказались резонансно успешными. В начале 1983 года, стремясь ослабить давление со стороны повстанческого движения, Барре выпустил на свободу десятки диссидентов, отменил военное положение и амнистировал инсургентов, готовых разойтись по домам. Впрочем, эти меры смогли приглушить активность Со-

малийского национального движения всего на несколько месяцев, после чего вылазки партизан из клановой группы исаак возобновились¹⁸.

Наконец, эфиопская территория послужила плацдармом и для еще одного оппозиционного течения, на этот раз рожденного клановой группой хавийа. Учрежденный ее делегатами в 1987 году Объединенный сомалийский конгресс, взявший курс на насильственную смену власти в Могадишо, также базировался в Эфиопии. Однако, в отличие от других повстанческих объединений, эта группировка довольно быстро раскололась на два конкурирующих крыла, каждое из которых опиралось на собственный клан. Первой фракцией, где преобладали выходцы из клана хабр гедир, стал Объединенный сомалийский конгресс – Сомалийский национальный альянс, который возглавил военачальник, политик и дипломат Мохамед Фарах Айдид. Соответственно, соперники хабр гедир из клана марехан, одного из крупнейших на юге, образовали вторую, альтернативную, фракцию, названную Сомалийским патриотическим движением. Здесь уместно отметить, что сомалийским повстанческим группам крайне тяжело давался поиск общего языка в контактах друг с другом: например, Айдид, договорившись поначалу о взаимодействии и даже о будущем разделе власти с Сомалийским национальным движением, очень скоро дезавуировал достигнутые договоренности, подтвердив свою репутацию крайне несговорчивого человека. И такое поведение для него было скорее правилом, чем исключением¹⁹.

Антиправительственная деятельность оппозиционных сомалийских движений заметно осложнилась в 1988 году, когда главы Сомали и Эфиопии подписали соглашение о ненападении, призванное урегулировать застарелый межгосударственный конфликт. Поскольку документ обязывал договаривающиеся стороны взаимно прекратить поддержку «чужих» оппозиционных группировок, власти Аддис-Абебы закрыли расположенные на эфиопской территории тренировочные лагеря Сомалийского демократического фронта спасения и Сомалийского национального движения. Если первая из этих организаций, не сумев оправиться от такого удара, оказалась на грани исчезновения, то вторая, напротив, пережила радикализацию и мобилизовалась:

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

18 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 29.

19 Подробнее о деятельности группировок, создаваемых различными сомалийскими кланами в 1980-е, а также о конструируемой ими системе негосударственного насилия, см.: DERSSO S.A. *The Somalia Conflict Implications for Peacemaking and Peacekeeping Efforts*. Pretoria: Institute for Security Studies, 2009. ISS Papers. Vol. 198; ISSA-SALWE A.M. *The Collapse of the Somali State: The Impact of the Colonial Legacy*. London: HAAN Associates, 1996; МОНАМОУД А.А. *State Collapse and Post-Conflict Development in Africa: The Case of Somalia (1960–2001)*. West Lafayette: Purdue University Press, 2005.

«СНД, оказавшись в безвыходном положении, просто вынуждено было перейти в наступление. Потеряв эфиопскую поддержку и понимая, что любое затягивание борьбы ведет теперь к гибели, [его] руководство отказалось от тактики действия небольших боевых групп, решив встать на путь открытого вооруженного противостояния»²⁰.

Реорганизовав свои подразделения и переименовав их в Объединенные силы освобождения, повстанцы Сомалийского национального движения в конце мая 1988 года перешли в наступление, почти сразу захватив несколько приграничных городов. Правительственная авиация в ответ буквально стерла некоторые из этих населенных пунктов с лица земли. Внутренний конфликт малой интенсивности начал превращаться в полномасштабную гражданскую войну. Поскольку театром военных действий стал ареал проживания клановой группы исаак, установки входящих в нее кланов становились все более жесткими: в итоге начал складываться единый фронт противников Барре, который еще недавно казался несбыточной утопией. Реагируя на эту массовую мобилизацию, диктатор объявил восстание на Севере «мятежом племени исаак», направленным против национального единства, а масштабные репрессии, обрушенные на непокорных правительственными войсками, позже стали называть «геноцидом» или даже «холокостом» клана исаак²¹. В последующие два года войны число погибших из этой клановой группы превысило 50 тысяч человек²².

Ожесточение, нараставшее внутри группы исаак, неминуемо оборачивалось насилием в отношении недружественных ей кланов; так, бойцы Объединенных сил освобождения организовали несколько кровавых нападений на приграничные лагеря эфиопских беженцев, в которых обосновались спасшиеся от недавней войны сомалийцы из клана огаден, прежде решительно поддерживавшего Барре. Акции, сопровождавшиеся массовыми убийствами, наглядно убеждали огаден в том, что центральное правительство не в состоянии защитить их общность. Ропот в стане огаден усугублялся и резкой сменой курса в отношении территориального спора с Эфиопией: этот клан, проживающий по обе стороны границы, изначально разделял экспансионистскую идею «Великого Сомали» и планы по «возвращению Огадена домой», но теперь, после заключения мира, ощутил себя преданным. В ответ на недовольство представителей огаден, служивших в сомалийской армии, Барре

20 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 32.

21 Там же. С. 32; INGIIRIS M. H. "We Swallowed the State as the State Swallowed Us": The Genesis, Genealogies, and Geographies of Genocides in Somalia // African Security. 2016. Vol. 9. № 3. P. 237–258.

22 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 35.

в конце 1988 года отстранил от должности министра обороны, который, как и многие высокопоставленные военные, был выходцем именно из этого клана. Реакцией на этот шаг стало, во-первых, повальное дезертирство солдат и офицеров огаден из армии Могадишо, а во-вторых, произошедший в марте 1989 года открытый мятеж, в ходе которого военнослужащие из числа огаден захватили военную базу в Кисмайо, превратив ее в свой опорный пункт. Более того – после того, как парламентарам из Могадишо не удалось договориться с мятежниками, на юге началось полномасштабное восстание клана огаден, разворачивавшееся под знаменами только что созданного Сомалийского патриотического движения.

Столкнувшись с мятежами на севере и юге, уходом самых преданных клановых союзников, тяжелой экономической ситуацией и прекращением внешней военной помощи, диктаторский режим был обречен. Мы опускаем здесь драматичные подробности его кончины, ограничиваясь замечанием о том, что в ходе бурных событий 1980-х роль кланов в сомалийском обществе подверглась коренной переоценке. Как справедливо отмечает Соломон Дерссо, клановая система в Сомали, которая традиционно и веками гарантировала предоставление важнейших социальных услуг типа обеспечения правовой, социальной и физической защиты и тем самым стабилизировала общество, в новых условиях превратилась в источник бесконечных размежеваний и конфликтов: «Ныне враждующие фракции в основном опираются на нее, добиваясь собственного монопольного обладания государственной властью или же противодействуя появлению сильного государства, подконтрольного другим кланам»²³. Эта смена акцентов самым непосредственным образом сказалась на территориальной организации власти в Сомали и возникновении в этой стране весьма причудливой и необычной разновидности федерализма.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

КТО КУДА: ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ ПО-СОМАЛИЙСКИ

В начале января 1991 года режим Барре прекратил свое существование, а власть в стране перешла к пестрой коалиции, в которую вошли почти все оппозиционные группировки, упоминавшиеся выше. Новым президентом победившие повстанцы избрали Али Махди Мохаммеда – выходца из клановой группы хавийа и представителя Объединенного сомалийского конгресса. Однако, получив международное признание, его правительство не смогло заручиться консолидированной поддержкой

23 DERSSO S.A. *Op. cit.* P. 4.

всего многоцветья сомалийских кланов: многие племенные группировки отказались его признать²⁴. Авторитет главы государства оспаривался даже внутри самого Объединенного сомалийского конгресса – изначально, напомним, расколотого на две фракции, – где вызов новой власти бросил генерал Мохамед Фарах Айдид. В результате властные prerogatives новой администрации ограничивались лишь национальной столицей, да и там они реализовались не в полной мере. Разумеется, воцарившееся безвластие провоцировало дальнейшую фрагментацию политического пространства. Сомалийский Север, на протяжении нескольких лет разорявшийся войсками Барре, раньше всех решил воспользоваться предоставившимся шансом и расстаться с многократно обижавшим его государством. В середине мая 1991 года на территории бывшего Британского Сомали состоялось провозглашение Республики Сомалиленд, включившей в свой состав четыре сомалийские провинции. Ее президентом стал Абдирахман Ахмед Али Тур из клана исаак – один из руководителей Сомалийского национального движения. Относительная клановая однородность помогла Сомалиленду избежать долгих и жестоких конфликтов, которые стали типичными для других частей страны, но не избавила его от междоусобных столкновений, в которых отдельные кланы доминирующей клановой группы сводили счеты между собой²⁵. В 1991–1992 годах эти распри, длившиеся порой месяцами, унесли сотни жизней.

Центробежные тенденции в тот период проявляли себя по всей территории Сомали: вопреки слабым и безуспешным попыткам отдельных акторов законсервировать на глазах разваливавшееся государство в признанных международным сообществом границах и сформировать правительство национального единства, все новые и новые очаги суверенитета в последующее десятилетие появлялись то там то здесь. В частности, ослабевший после крушения «социалистического» строя клан маджертин из клановой группы дарод, преобладающий в северо-восточной части страны, в 1998 году учредил самоуправляющуюся территорию Пунтленд. Возглавивший ее Абдуллахи Юсуф Ахмед в первые же дни ее существования заявил, что Пунтленд, в отличие от соседнего Сомалиленда, не станет провозглашать независимость и ограничится автономией, поскольку власти региона готовы участвовать в переговорах по формированию центрального правительства. На фоне тотального хаоса, утвердившегося на землях бывшей Республики Сомали, Сомалиленд и Пунтленд являли собой нечто вроде «историй успеха»:

24 См.: *Сомали // Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник: В 4 т. Т. 4: Африка* / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 405.

25 См.: Коновалов И.В. *Указ. соч.* С. 38.

«[Их руководители] сумели очень быстро создать действительно функциональные структуры государственного управления и сделать свои территории относительно безопасными. Вооруженные конфликты были здесь достаточно короткими и не привели к таким тяжелым последствиям, как в Центральном и Южном Сомали»²⁶.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Тем временем процессы фрагментации своим чередом шли и в бывшем Итальянском Сомали. В 2002 году Армия сопротивления раханвейн, отстаивавшая интересы одноименного клана и созданная в 1995-м, заявила об автономии подконтрольного ей юго-западного Сомали: эта организация, «используя формулу Пунтленда (максимальная автономия, но не официальный и полный суверенитет), напрямую продекларировала стремление к еще большей независимости и нежелание участвовать в альянсах, преследующих общесомалийские цели»²⁷. За несколько лет до этого, в 1998 году, бывший министр обороны, генерал Мухаммад Херси, провозгласил независимость Джубаленда – юго-восточного Сомали. Это образование, однако, в силу целого ряда причин оказалось крайне неустойчивым и потому перманентно тяготеющим к союзу с теми силами, которым удавалось взять под контроль Могадишо. Впоследствии судьбы этого образования оказывались особенно злополучными, поскольку именно оно стало сомалийским плацдармом исламистской группировки «Аш-Шабаб», набравшей силу в начале 2010-х. Помимо исламистов, о стремлении присвоить Джубаленд заявляло и виртуальное государство Азания, учрежденное в соседней Кении в 2011 году, собственной территорией так и не обзаведшееся и запомнившееся в основном тем, что его флаг как две капли воды был похож на российский триколор.

На фоне всех этих центробежных процессов различные силы на протяжении 1990-х неоднократно пытались воссоздать в Сомали хотя бы какое-то подобие центрального правительства, устраивающего крупнейшие кланы. Однако поиски объединяющей всех верховной фигуры неизменно заходили в тупик из-за отводов, заявляемых кем-то из ключевых игроков. Хотя Али Махди Мохаммед, ставший первым президентом страны после свержения диктатуры, исполнял обязанности до 1997 года, то есть довольно долго, за это время он не смог консолидировать даже собственную клановую группу хавийа. Более того, с июня 1995-го по январь 1997-го ему фактически пришлось делить полномочия с конкурентом в лице сначала Мохамеда Айдида, а затем его сына Хусейна. Примечательно, что при этом все трое принадлежали к одной и той же группировке – Объединенному сомалийскому конгрессу. Соответственно, приверженцы Али

26 Там же. С. 43.

27 Там же. С. 101.

Махди Мохаммеда и Айдида поделили национальную столицу на две зоны, что, впрочем, не мешало им время от времени воевать друг с другом. В сложившейся ситуации «оба лидера фактически пытались вернуть страну к управленческой формуле Мохамеда Сиада Барре – авторитарное правление военного диктатора с опорой на свой клан»²⁸. Но в новых условиях старая схема едва ли могла сработать.

Помимо исламистов, о стремлении присвоить Джубаленд заявляло и виртуальное государство Азания, учрежденное в соседней Кении в 2011 году, собственной территорией так и не обзаведшееся и запомнившееся в основном тем, что его флаг как две капли воды был похож на российский триколор.

Расползание периферии и паралич центра естественным образом заставляли вовлеченных акторов интересоваться федералистскими практиками. В 2004 году на конференции основных участников сомалийской драмы, проходившей в Найроби, удалось принять Федеративную хартию переходного периода, а затем официально учредить предусмотренные этим документом временные федеративные институты: Переходный федеральный парламент и назначаемое им Переходное федеральное правительство. Как предполагалось, новые власти займутся разработкой новой Конституции и проведением парламентских и президентских выборов с последующим формированием постоянно действующих органов власти²⁹. В одной из статей Хартии поименно перечислялись организации, приглашенные к участию в этом учредительном процессе; но, поскольку такой список заведомо не мог быть полным, часть военно-политических лидеров и их группировок отказалась принимать участие в инициативе. Президентом Сомали, избранным в соответствии с Федеративной хартией, стал Абдуллахи Юсуф Ахмед – выходец из клана маджертин и первый президент автономной территории Пунтленд, а председателем Переходного федерального правительства – Али Мохамед Геди, занимавший должность премьер-министра юго-западного Сомали. Парламент, количество мест в котором первоначально составляло 275, комплектовался по «принципу 4,5»: каждая из четырех крупнейших сомалийских клановых групп получила в нем по одной доле, и половина доли была зарезервирована за малыми кланами.

²⁸ Там же. С. 50.

²⁹ См. текст Федеративной хартии: *The Transitional Federal Charter of the Somali Republic. Nairobi, February 2004* (www.ilo.org/dyn/travail/docs/2177/Transitional%20Federal%20charter-feb%202004-English.pdf).

Однако прорыва не вышло; новая власть, несмотря на ее обращение к многократно проверенным и теоретически востребованным федералистским рецептам, оказалась столь же бес сильной, как и предшествующие сомалийские правительства. Специалисты выделяют две главные причины такого исхода: во-первых, присутствие в Переходном федеральном правительстве наиболее могущественных лидеров клановых группировок оказалось его не сильным, но, напротив, слабым местом, поскольку «клановые лидеры никогда не отказались бы от своих амбиций ради национального примирения»; во-вторых, президент Абдуллахи Юсуф Ахмед в глазах многих местных жителей оставался «ставленником Эфиопии – традиционного врага Сомали»³⁰. Между тем, пока измученная и обескровленная страна топталась на месте, ни на шаг не приближаясь к желанному национальному примирению, рождался спрос на альтернативные модели властвования. Одну из них предложил Союз исламских судов (СИС), появившийся еще в 1993 году в качестве выразителя интересов клановой группы хавийа, а к 2006-му выступивший главным оппонентом Переходного федерального правительства.

Лидером этой группировки стал бывший школьный учитель Шариф Ахмед, впоследствии – в 2009–2012 годах – поднявшийся до президента Сомали. Само по себе появление подобного рода структуры выглядит уникальным, поскольку речь идет о повстанческом движении, выросшем из сети судебных(!) учреждений. Исламское правосудие не требует, чтобы деятельность судебных инстанций в обязательном порядке санкционировалась государством; в итоге СИС явил себя в виде своеобразной зонтичной структуры, в которой преобладали судебные институции, стихийно складывавшиеся на самых низовых уровнях:

«Исламские суды – негосударственные организации, взявшие на себя муниципальную и социальную ответственность за определенные территории, – стали за короткий период субъектами власти. В условиях хаоса гражданской войны они остались единственной общественной силой в Сомали, помимо клановых группировок. [...] Суды имели свои отряды милиции, свои тюрьмы, обменивались заключенными, проводили совместные боевые операции»³¹.

В обществе, традиционно страдающем от всех видов и типов несправедливости, организация такого рода заведомо обречена на успех, что и было продемонстрировано в Сомали. Но, как и следовало ожидать, в высококонкурентной среде сомалийской политики подобный подъем неминуемо должен был вы-

30 См.: Коновалов И.В. *Указ. соч.* С. 111.

31 Там же. С. 112, 127.

звать ревность иных игроков. Находясь на пике популярности, СИС вступил в острый конфликт с частью полевых командиров, а также с Переходным федеральным правительством. В стране то здесь то там начали похищать религиозных авторитетов, сотрудничающих с СИС, что еще более ожесточило организацию в ее взаимоотношениях с соперниками. Именно в таком контексте возникла военная сила, известная как «Аш-Шабаб», генетически связанная с судейским движением, но при этом сохранявшая определенную степень автономии от него³².

Летом 2005 года исламские суды, которые прежде ограничивались только защитой подконтрольных им территорий, перешли к агрессивному утверждению шариата на всей территории страны. На поле боя Союзу исламских судов сопутствовала удача – к осени 2006-го они утвердились почти повсеместно, за исключением Пунтленда и Сомалиленда, – но, когда Переходное федеральное правительство оказалось на самой грани поражения, в дело вмешались внешние силы. Захват силами СИС порта Кисмайо (сентябрь 2006 года) спровоцировал эфиопское вторжение, поскольку для Эфиопии, которая после утраты Эритреи лишилась собственного выхода к морю, свободный доступ к этой гавани был крайне важен. В ответ на агрессию СИС объявил Аддис-Абебе войну, продолжавшуюся до конца декабря 2006-го, когда эфиопские войска совместно с союзными сомалийскими группировками вступили в Могадишо. Важно отметить, что «разгром СИС многими в Сомали воспринимался как победа кланов[ой группы] дарод при поддержке эфиопов над кланами хавийа»³³. В январе 2007-го, после установления эфиопского контроля над Могадишо, сомалийский президент Абдуллахи Юсуф Ахмед впервые за три года появился в столице. Но теперь ему приходилось считаться с исламистским влиянием, поскольку, несмотря на разгром СИС, сами исламские радикалы никуда не делись. Более того, баланс сил начал меняться в их пользу, и уже в следующем году, не желая мириться со своими давними врагами, глава государства подал в отставку. Вместо него переформатированный и укомплектованный исламистами парламент избрал президентом Шарифа Ахмеда, прежде возглавлявшего СИС. А в начале 2009-го эфиопские войска покинули Сомали.

В новой ситуации этот политик, которого несколько лет назад зачастую причисляли к радикалам и экстремистам, неожиданно предстал фигурой довольно умеренной: к тому моменту сомалийская гражданская война выдвинула на передний край гораздо более бескомпромиссные и жесткие исламистские

32 BARNES C., HARUN H. *The Rise and Fall of Mogadishu's Islamic Courts* // *Journal of Eastern African Studies*. 2007. Vol. 1. № 2. P. 151–160.

33 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 123.

силы – прежде всего в лице движения «Аш-Шабаб». Неудивительно, что после утверждения Шарифа Ахмеда на президентском посту напряженность между центральной властью и радикальным сегментом исламистского движения не только не уменьшилась, но, наоборот, возросла. Идейные баталии между президентом и «Аш-Шабаб», уже покорившей весь сомалийский Юг, дополнили клановую сегментацию религиозно-идеологическим расколом и привнесли в палитру новые краски. Будучи истовыми приверженцами унифицирующей миссии ислама, активисты «Аш-Шабаб» стремились игнорировать клановые границы внутри Сомали. В 2011 году именно ее лидеры призвали всех мусульман к борьбе с «полуавтономиями», ранее созданными различными кланами на национальной территории. Впрочем, как и пятью годами ранее, исход противостояния между Переходным федеральным правительством и его исламистскими конкурентами был предопределен внешним фактором: на этот раз в подобной роли выступила Кения, которая осенью 2011-го сначала развернула в приграничных с Сомали районах контртеррористическую операцию «Защити страну», а потом и вовсе ввела свои подразделения в южные регионы Сомали для непосредственной борьбы с «Аш-Шабаб» на сомалийской территории³⁴.

Между тем, несмотря на тлеющий братоубийственный конфликт, республика продолжала экспериментировать с федеративными принципами. В сентябре 2011 года Переходному федеральному правительству и региональным администрациям удалось подписать «дорожную карту» транзита, намечавшую план действий, который позволил через год избрать постоянный исполнительный орган. В августе 2012 года Конституционной ассамблеей в Могадишо была принята временная Конституция, официально определявшая Сомали как федерацию³⁵. Переходное федеральное правительство было преобразовано в Федеральное правительство – первый постоянный и признанный другими странами кабинет с самого начала гражданской войны, – а спустя месяц обновленный национальный парламент, который был сформирован из кандидатов, номинированных вождями и старейшинами племен, избрал Хасана Шейха Махмуда из клановой группы хавийа новым президентом Сомали. За его президентство, которое продолжалось с 2012-го по 2017 год, Федеральное правительство смогло добиться заметного прогресса в налаживании если и не подлинно федеративных, то

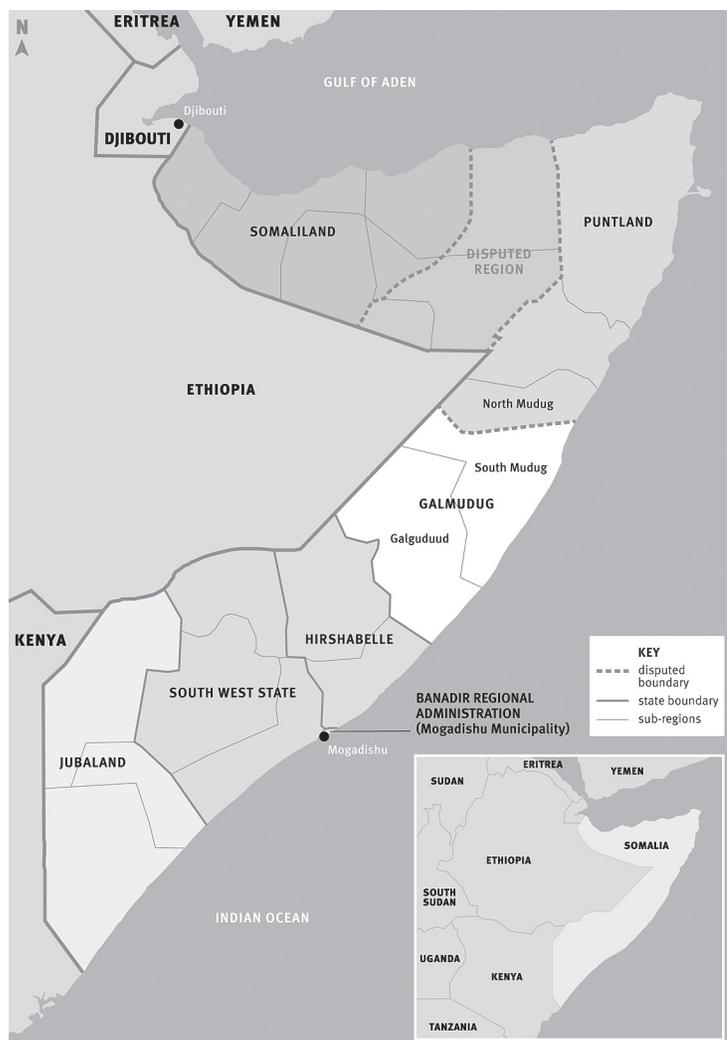
ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

34 Обоснование кенийского вмешательства подробнее см.: BIRKETT D.J. *The Legality of the 2011 Kenyan Invasion of Somalia and its Implications for the Jus Ad Bellum* // Journal of Conflict and Security Law. 2013. Vol. 18. № 3. P. 427–451.

35 См. текст временной Конституции Федеративной Республики Сомали 2012 года: <http://hrlibrary.umn.edu/research/Somalia-Constitution2012.pdf>.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Государства-члены
(штаты) Федератив-
ной Республики Сомали,
2020 год³⁷.

как минимум квазифедеративных отношений с так называемыми государствами-членами федерации (штатами)³⁶.

Конституцию Сомали 2012 года с федералистской точки зрения следует признать едва ли не идеальной, поскольку в ней содержатся все постулаты федералистского канона. Террито-

36 Подробнее об этом см.: БРАЖАЛОВИЧ Ф.Л., КЛЮЧНИКОВ М.И., ЛУКЬЯНОВ А.И. *Политико-географические аспекты проблемной государственности (на примере Сомали)* // География и природные ресурсы. 2016. Т. 3. С. 181–188; ЖУКОВ А.Е. *Сепаратизм в современном Сомали и международные перспективы де-факто независимых регионов страны* // Известия Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай-хана. 2013 (<https://articlekz.com/article/19899>); ДАНИР А., SHEIKH ALI A.Y. *Federalism in Post-Conflict Somalia: A Critical Review of Its Reception and Governance Challenges* // *Regional & Federal Studies*. 2021. P. 1–20.

37 Приводится по: YOUSUF Z., ABDI M., ALI A. *Clans, Contention and Consensus. Federalism and Inclusion in Galmudug*. London: Saferworld, 2020. P. 15 (www.saferworld.org.uk/resources/publications/1257-clans-consensus-and-contention-inclusion-and-federalism-in-galmudug).

рия страны, согласно документу, делилась на штаты, каждый из которых имел собственное правительство и легислатуру³⁸. Действуя в рамках разделения властей и функционирования сдержек и противовесов, Федеральное правительство, укрепляя национальное единство, было обязано материально поддерживать нуждающиеся штаты. При этом, как и полагается в классических федерациях, составные части Сомали сохраняли свою автономию и самоуправление в рамках определенных Конституцией компетенций. За федеральным правительством резервировались исключительные полномочия в таких областях, как оборона, внешняя политика, денежная эмиссия и иммиграция. Конституция также допускала наличие сфер совместной юрисдикции, в которых могут законодательствовать правительства обеих уровней.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Будучи истовыми приверженцами унифицирующей миссии ислама, активисты «Аш-Шабаб» стремились игнорировать клановые границы внутри Сомали. В 2011 году именно ее лидеры призвали всех мусульман к борьбе с «полуавтономиями», ранее созданными различными кланами на национальной территории.

Определяя принципы территориального деления, Конституция подчеркивала важность консультаций, всеобщего согласия, а также учета исторических, географических и социально-экономических факторов при установлении количества штатов и границ между ними. Кроме того, она постулировала важность сотрудничества и взаимодействия между федеральным правительством и составными частями федерации. В отдельных ее положениях признавалась значимость культуры мира, терпимости и примирения для нормального функционирования федеративного государства. Отдельной статьей постулировалось учреждение в Сомали Федерального парламента, состоящего из Народной палаты и Верхней палаты. Как и в классических федерациях, Народная палата избиралась всем населением Сомали по системе пропорционального представительства, а Верхняя палата комплектовалась штатами в соответствии с их Конституциями и законами о выборах.

38 Подробный анализ Конституции 2012 года см. в работе: KOUROUTAKIS A. *The Provisional Constitution of the Federal Republic of Somalia: Process, Architecture, and Perspectives* // Cambridge International Law Journal. 2014. Vol. 3. № 4. P. 1195–1206; см. также: АНМЕД N. *Somalia's Struggle to Integrate Traditional and Modern Governance: The 4,5 Formula and 2012 Provisional Constitution*. Master's Thesis. The American University in Cairo, 2019; ZOPPI M. *Federalism: A Valid Instrument for Reconciliation in Somalia?* // Wardheer News. 2013. November 22 (<https://wardheernews.com/federalism-valid-instrument-reconciliation-somalia/>).

Руководствуясь Основным законом 2012 года, администрация, возглавляемая Хасаном Шейхом Махмудом, предприняла немало усилий, чтобы содействовать примирению кланов сомалийского общества между собой, умиротворить страну и создать в ней более инклюзивную и представительную политическую систему. В ходе последующей федерализации были созданы пять федеральных округов, а также начались переговоры с Сомалилендом, посвященные принципам вхождения этой обособившейся территории в федерацию. В 2017 году в стране состоялись первые после начала транзита общенациональные выборы, по итогам которых был сформирован новый парламент. Депутаты в свою очередь избрали нового президента, причем передача власти от инкумбента к преемнику прошла мирно и бесконфликтно.

Несмотря на заметный прогресс в утверждении федеративной системы, некоторые проблемы оказались реформаторам не под силу. Одним из фундаментальных препятствий, блокирующих успешное функционирование сомалийской государственности, остаются территориальные споры между равноправными членами федеративного союза. Таких споров довольно много, но за каждым из них стоит одна и та же причина: несогласованность административных и клановых границ между собой³⁹. В указанном плане показательна ситуация с Юго-Западным штатом, находящимся в территориальных конфликтах с несколькими соседями сразу. Эта административная единица спорит с соседним штатом Хиршабелле по поводу территорий Нижняя Шабелле и Бакол, причем в обоих случаях выяснение отношений сопровождается вооруженными столкновениями и массовыми переселениями. Одновременно Юго-Западный штат и штат Джубаленд оспаривают друг у друга регионы Гедо, Нижняя Джубба и Средняя Джубба. В территориальные тяжбы вовлечены и другие субъекты сомалийской федерации: в частности, штаты Гальмудуг и Пунтленд уже много лет оспаривают друг у друга город Галькайо, разделенный ими на две части. Проходящая через этот населенный пункт граница между штатами существовала не всегда: она сложилась из немаркированной линии размежевания враждующих кланов маджертин и хавийа, заселивших северные и южные кварталы соответственно⁴⁰. Учитывая множество подобных

39 Подробнее см.: MOSLEY J. *Somalia's Federal Future: Layered Agendas, Risks and Opportunities* // Policy Commons. 2015. September 2 (<https://policycommons.net/artifacts/613740/somalias-federal-future/1593848/>); TRES T. *New "Breakaway" Administration Forms in Somalia in Latest Federalism Dispute* // Somalia Newsroom. 2015. December 29 (<https://somalianewsroom.com/2015/12/29/new-breakaway-administration-forms-in-somalia-in-latest-federalism-dispute/>).

40 ABDIRAHMAN K. *Contested Commerce: Revenue and State-Making in the Galkayo Borderlands* // Rift Valley Institute. 2021. November 23 (<https://riftvalley.net/publication/contested-commerce-revenue-and-state-making-galkayo-borderlands>).

историй, федерализм в Сомали невозможно считать полноценным и доброкачественным; по сути, страна остается декоративной федерацией, тяготеющей в лучшем случае к конфедеративному союзу, причем перспективы приведения ее в соответствие с федералистским стандартом на сегодняшний день не просматриваются⁴¹. Чтобы подкрепить эту точку зрения, будет полезно остановиться на некоторых особо значимых сомалийских территориях, рассмотрев их по отдельности.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

СОМАЛИЛЕНД: ЧТО-ТО ВРОДЕ СОМАЛИЙСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Как только англичане покинули Африканский Рог, кланы Сомалиленда начали активно демонстрировать свое нежелание интегрироваться в единое государство. Так, они не признали временную Конституцию Сомалийской Республики, принятую на национальном референдуме 1961 года. Однако противостоять замыслам бывших метрополий, которые конструировали постколониальные страны, руководствуясь собственными резонами, им было тяжело: в итоге бывшее Британское Сомали все-таки оказалось под властью Могадишо. Поначалу все шло более или менее ровно, но государственный переворот Барре, состоявшийся в 1969 году, непоправимо испортил взаимоотношения северных кланов с центральными властями. За два десятилетия диктатуры и без того хрупкое равновесие между сомалийскими племенами было решительным образом поколеблено, поскольку диктатор методично возвышал одни клановые группы и прижимал другие, а политика кланового террора 1980-х и вовсе уничтожила остатки доверия между северянами и правящим в столице режимом. После фактического распада Республики Сомали в начале 1990-х традиционные лидеры и политико-экономические элиты Сомалиленда приступили к формированию основ самостоятельной государственности⁴². Они прилагали немалые усилия, чтобы обеспечить сплочение и солидарность местных кланов, увлечь их идеей независимости северной территории. Рухнувший «социалистический» режим изображался в качестве общего врага всех северных сомалийцев, а официальной целью Сомалиленда провозглашалось создание более справедливой политической системы, позволяющей населению северных регионов процветать автономно⁴³. Общественный

⁴¹ DAHIR A., SHEIKH ALI A.Y. *Op. cit.*

⁴² См.: BARAWANI M.M. *Somaliland and Somalia Peace-Building Process: Actors, Interventions, and Experiences* // International Journal of Development Research. 2017. Vol. 7. № 8. P. 14248–14259.

⁴³ Подробнее о политическом развитии Севера после ухода Барре см.: LEWIS I.M. *A Modern History of the Somali, Revised, Updated, & Expanded*. London: Boydell & Brewer, 2002. P. 262–310; FORTI D.R. *Op. cit.*

престиж, которым старейшины кланов пользовались на Севере, позволил добиться всеобщего понимания того, что региону в императивном порядке требуется мир. Разумеется, в 1990-е в Сомалиленде, как и на Юге, тоже наблюдалось вооруженное противоборство клановых групп и кланов за контроль над важными инфраструктурными объектами – в основном морскими и воздушными гаванями. Тем не менее после каждой очередной вспышки насилия вопрос неизменно улаживался на межклановых конференциях.

В 1997 году на такой конференции была принята Переходная национальная хартия, которая в дальнейшем послужила основой для Конституции Сомалиленда. Административно-политическая система, разработанная на этом форуме, была названа «гибридной»: она закрепляла за традиционными старейшинами кланов роль неформальных, но могущественных переговорщиков и посредников – и одновременно предполагала современную представительную демократию и разделение властей. В Сомалиленде учреждался двухпалатный парламент: его верхняя палата комплектовалась из делегированных кланами старейшин, а нижняя палата избиралась в ходе выборов. Правительство региона также формировалось с учетом кланового принципа, согласно которому каждому клану отводилась фиксированная министерская квота. В целом система предусматривала преференции для небольших кланов, которые были призваны уменьшить их опасения, вызываемые потенциальным доминированием клановой группы исаак. В 2001-м в ходе референдума Сомалиленд принял новую Конституцию, поддержанную 97% населения. С 2003 года на территории регулярно проходят вполне демократичные выборы, по результатам которых власть в основном передается мирно. На последних из них, состоявшихся в 2017-м, Муса Биби Абди – бывший военный летчик и министр внутренних дел – был избран пятым президентом автономии (в 2022-м парламент продлил его полномочия еще на два года)⁴⁴.

Как ни удивительно это звучит в сомалийском контексте, за годы своего обособленного существования Сомалиленд преобразовался в мирное и демократическое государство. В автономии успешно восстановлены разрушенные города, введена собственная валюта, действует эффективная система налогообложения, функционирует авиационная и морская инфраструктура. Государство даже присоединилось к числу стран, подписавших Всеобщую декларацию прав человека. Наблюдатели

44 *Somalia: Muse Bihi elected as the 5th president of Somaliland* // Garowe Online. 2017. November 21 (www.garoweonline.com/en/news/somaliland/somalia-muse-bihi-elected-as-the-4th-president-of-somaliland); СМИ: срок полномочий президента сомалийского штата Сомалиленд продлили на два года // ТАСС. 2022. 1 октября (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15931161>).

не раз отмечали успехи властей Сомалиленда в борьбе с терроризмом и пиратством в пределах собственных границ⁴⁵. Одновременно автономия многое сделала для того, чтобы нормализовать отношения с центральным правительством, остающиеся пока далекими от идеала. Посредством различных шагов – начиная со встреч первых лиц автономии и федерации (президенты виделись в Дубае в июне 2012-го и в Анкаре в 2013-м) и заканчивая договоренностями, скажем, о совместном управлении воздушным движением, достигнутыми примерно в то же время, – Сомалиленд деликатно, но твердо добивался благорасположения Могадишо. Для местных властей это было выгодно, поскольку, с одной стороны, повышало их международный статус, а с другой, склоняло столицу к поддержке автономии в ее территориальном споре с соседним штатом Пунтленд.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Как ни удивительно это звучит в сомалийском контексте, за годы своего обособленного существования Сомалиленд преобразовался в мирное и демократическое государство.

Вместе с тем после трех десятилетий автономного плаванья Сомалиленда в качестве пусть и не признанного международным сообществом, но все же вполне независимого государства, перспективы его полноценного возвращения в состав Сомали представляются призрачными. Против такого развития событий говорит прежде всего то, что элитам Сомалиленда удалось создать гораздо более устойчивое государственное образование и заметно более эффективные политические институты, нежели те, что сформировались в Сомали в целом. Не способствует слиянию и горький исторический опыт сосуществования под одной крышей, который у северян ассоциируется с политикой дискриминации и репрессий в отношении клановой группы исаак. Поэтому скорее всего в обозримом будущем в основном сохранится устраивающее обе стороны равновесие: Могадишо и дальше будет видеть Сомалиленд частью федеративного целого, а сам Сомалиленд по-прежнему будет считать себя если не полностью независимым, то основательно автономным.

Пунтленд: строптивый, но верный союзник

В отличие от Сомалиленда, Пунтленд переживал период дезинтеграции без стремления выйти из состава единой страны: его

⁴⁵ См.: FORTI D.R. *Op. cit.*; PEGG S., KOLSTØ P. *Somaliland: Dynamics of Internal Legitimacy and (Lack of) External Sovereignty* // Geoforum. 2016. Vol. 66. P. 193–202.

власти были готовы удовлетвориться только расширением автономии. Несмотря на то, что в обеих автономиях структура власти зиждется на клановых отношениях и авторитете клановых старейшин, Пунтленд, в отличие от Сомалиленда, изначально выстраивался на базе наследственных султанатов, в которых исторически доминировал клан маджертин. Именно его представители занимают все ключевые административные посты в штате. Президент Пунтленда Абдирахман Фароле, находившийся у власти в 2009–2014 годах, отмечал, что необходимость появления в 1998-м самоуправляемого государственного образования была обусловлена в первую очередь коллапсом власти в Могадишо и ее неспособностью обеспечивать экономическую, демографическую, оборонную политику⁴⁶. Замещая недееспособные центральные структуры, сомалийские кланы формировали военизированные группировки, которые становились их главным управленческим инструментом. Для клана маджертин таковым стали Силы безопасности Пунтленда, позже переименованные в Национальные вооруженные силы. Опираясь на этот силовой ресурс, местные элиты не только сами определяли круг собственных исключительных полномочий, но и навязывали центру свои условия в ходе федеративного торга.

В свою очередь центр, не желая оставаться беззащитным, противопоставлял властям Пунтленда свои рычаги давления. Показателен в этом смысле перечень претензий, который власти Гароуэ предъявили властям Могадишо в ходе конфликта, вспыхнувшего между ними в 2011 году: Переходное федеральное правительство обвинялось в нежелании делиться финансовой и гуманитарной помощью, поступающей от международных организаций, в затягивании переходного периода, в задержке с принятием общенациональной Конституции⁴⁷. В тот период правительство Пунтленда ввело запрет на посещение подконтрольной ему территории должностными лицами сомалийского правительства⁴⁸. Особое раздражение у автономии вызвало то обстоятельство, что федеральный парламент взялся за обсуждение критически важного Закона о нефти без должного участия региональных властей⁴⁹.

Пунтленд и далее продолжал ссориться с Могадишо. В 2013 году администрация штата обнародовала заявление, в котором

46 См.: *His Excellency Abdirahman Mohamed Mohamud (Farole), President of Puntland State of Somalia. Puntland's Experience in Peace-building and State-building*. Nairobi, 2011 (http://somalitalkradio.com/2011/apr/farole_speech_nbi_meeting_apr2011.pdf).

47 См.: Алейников С. В. *Сомали сегодня: автономные территории, государственные структуры, военно-политические группировки*. Институт Ближнего Востока. 4 мая 2011 года (www.iimes.ru/?p=12560).

48 *Puntland Bans Somali Govt Officials from Territory* // Reuters. 2011. January 23 (www.reuters.com/article/ozatp-somalia-politics-20110123-idAFJ0E70M06320110123).

49 См.: ROBLE T. *Puntland "Suspends Cooperation" with FGS over Garowe Fiasco* // Goobjoog News. 2019. May 28 (<https://goobjoog.com/english/puntland-suspends-cooperation-with-fgs-over-garowe-fiasco/>).

выразила озабоченность тем, что страна снова втянулась в порочный круг насилия, вынужденных переселений, клановой вражды. Кроме того, как говорилось в документе, центральное правительство полностью игнорирует временную федеральную Конституцию Сомали, отказываясь, вопреки принципам федеративного устройства, делиться с регионами иностранной помощью⁵⁰. Внешняя поддержка имела для Пунтленда особую важность, поскольку этот регион существенно пострадал от цунами 2009 года и голода 2011-го⁵¹. Кроме того, местные элиты были крайне встревожены слишком вялым противодействием федерального кабинета экспансии признанной в России экстремистской и запрещенной «Аль-Каиды», которая угрожала дестабилизировать клановую систему Пунтленда.

Новые трения между своенравным регионом и Могадишо возникли в 2014 году, когда федеральное правительство вознамерилось оказать содействие регионам Гальгудуд и Мудуг, пожелавшим объединиться. Пунтленд усмотрел в этом покушение на свою территориальную целостность, поскольку он контролирует одну из частей разделенного надвое Мудуга, – и в очередной раз разорвал все связи с правительством Могадишо. Комментируя намечаемое формирование нового штата, официальный представитель автономии заявил, что слияние регионов требует консультаций не только с местными жителями, но и в обязательном порядке с правительством Пунтленда, поскольку оно выступает заинтересованным актором⁵². На отношения региона с Могадишо негативно влияла и еще одна территориальная проблема, а именно, долгие годы остающийся неопределенным статус территорий Сул и Санааг, претензии на которые одновременно предъявляли и Пунтленд, и Сомалиленд. Вопреки надеждам властей Гароуэ на поддержку федерального центра столица несколько раз пыталась развязать этот узел посредством прямых переговоров с правительством Сомалиленда – причем представители Пунтленда к ним не привлекались. Впрочем, этот спор, в конце концов, удалось разрешить: в марте 2021 года федерация и регионы договорились о том, что на спорных территориях сначала должны пройти новые выборы и только после образования новых органов власти можно будет вновь заняться уточнением их административной принадлежности.

Однако по мере того, как груз острых, но откладываемых проблем нарастал, в рядах местных элит все громче и настой-

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЬКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

50 *Somalia's Puntland Breaks off Relations with Central Government* // Reuters. 2013. August 5 (www.reuters.com/article/us-somalia-politics-puntland-idUSBRE9740UZ20130805).

51 См.: HAMZA M. *Somalia's Puntland Picks a New President* // Al Jazeera. 2014. January 8 (www.aljazeera.com/features/2014/1/8/somalias-puntland-picks-a-new-president).

52 См.: YUSUF M. *Puntland Cuts Ties with Somalia Over Formation of New State* // Voice of America. 2014. March 17 (www.voanews.com/a/puntland-cuts-ties-with-somalia-over-formation-of-new-state/2410930.html).

чивее обсуждалась идея официального выхода из федерации. Последней каплей, переполнившей терпение местных элит, стало принятое федеральными властями в конце 2022 года решение назначить новым начальником полиции Пунтленда «силовика» из штата Джубаленд. Номинирование «чужака» на должность, которую традиционно занимали местные офицеры, вполне ожидаемо было воспринято властями Пунтленда как злонамеренное оскорбление⁵³. Усмотрев в нем интриги соседей, президент автономии Саид Абдуллахи Дени обвинил президента федерации Хасана Шейха Махмуда в игнорировании принципов федеративной государственности и лоббировании интересов Сомалиленда. Раздражение оказалось столь велико, что в январе 2023 года Пунтленд решился на шаг, который ранее многократно им откладывался: территория официально уведомила Могадिशю и весь мир о своей независимости. Наблюдатели объясняли эту непропорционально жесткую реакцию тем, что нынешнему президенту беспокойной автономии вот-вот предстоит переизбрание, а это обязывает его предстать в глазах своего электората «жестким парнем». Впрочем, речь все-таки шла не столько о стратегии, сколько о тактике: провозглашенная независимость оказалась как бы не совсем полной; заявляя о ней, региональные власти говорили, что намереваются вести свои дела в частном порядке лишь до тех пор, пока не завершится работа над федеральной Конституцией и не состоится общенациональный референдум по ее принятию⁵⁴.

Стойкий отказ Пунтленда следовать примеру Сомалиленда и объявить о безоговорочной независимости, остававшийся в силе много лет, сыграл немалую роль в предотвращении полного распада сомалийского государства. Занимаясь созданием собственной властной системы, обслуживающей интересы клана маджертин, его элиты продолжали тем не менее участвовать в политической жизни Сомали и работе переходных органов власти; это, безусловно, был существенный вклад в продолжение федеративного эксперимента. Правительство Пунтленда выступало довольно последовательным борцом за «подлинную федерацию», неустанно разъясняя федеральным властям, как ее механизмы должны работать, а также настаивая на четком разделении компетенций и недопустимости чрезмерной концентрации власти в центре. Кроме того, власти

53 *Appointment of New Police Chief Exacerbates Rift between Somalia's President, Puntland Leader* // Somali Guardian. 2023. January 28 (<https://somaliguardian.com/news/somalia-news/appointment-of-new-police-chief-exacerbates-rift-between-somalias-president-puntland-leader/>).

54 *Somalia's Puntland State Announces It Is "Independent Government"* // Somali Guardian. 2023. January 9 (<https://somaliguardian.com/news/somalia-news/somalias-puntland-state-announces-it-is-independent-government/>).

Пунтленда настаивали на сохранении культурно-исторической идентичности каждой сомалийской территории, соблюдении кланового равновесия при распределении высших государственных должностей, укреплении правового государства и борьбе с коррупцией. Все перечисленное, впрочем, не мешает скептикам постоянно указывать на то, что именно Пунтленд был и остается главной базой получившего всемирную известность сомалийского пиратства⁵⁵.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

МААХИР И ХАТУМО: ТЕ, КОМУ АВТОНОМИИ НЕ ДОСТАЛОСЬ

Не все территориальные образования, возникшие в годы сомалийской смуты, смогли преуспеть в той же мере, в какой это удалось Сомалиленду или Пунтленду. В этом плане показательны неудачные попытки обзаведения собственной государственностью, которые предпринимались в 2000-е кланами варсангали и долбаханте, пытавшимися наделить суверенитетом подконтрольные им территории Маахир и Хатумо. Эти опыты, обогащающие жизнь сомалийского федерализма новыми подробностями, заслуживают того, чтобы остановиться на них хотя бы вкратце.

Регион Маахир, расположенный на границе, разделяющей Сомалиленд и Пунтленд и оспариваемой каждым из «тяжеловесов», объявил об автономии в составе Сомали 1 июля 2007 года. Эта земля – традиционная зона расселения клана варсангали, входящего в клановую группу дарод. К моменту свержения режима Барре этот клан был настолько влиятельным, что смог в 1998 году выступить одним из соучредителей автономного региона Пунтленд. В последующее десятилетие, однако, клан варсангали проиграл во внутривнутриполитическом противоборстве клану маджертин, который, в конечном счете, монополизировал власть в Пунтленде, сведя влияние конкурентов к минимуму. Именно это побудило варсангали задуматься о создании собственной автономной единицы, которой, по их замыслу, должен был стать Маахир. В принципе, стратегия варсангали в миниатюре воспроизводила тот путь, который уже был пройден Пунтлендом. Речь шла о формировании автономии, которая входила бы в составе федеративного государства и защищала бы интересы конкретного клана. В будущем Маахире, полагали автономисты, следовало утвердить такую же административно-управленческую систему, как и в Пунтленде⁵⁶.

55 См., например: *Пунтленд – родина пиратов* // Огонек. 2008. 23 ноября (www.kommersant.ru/doc/2301744).

56 Подробнее о проблеме Маахира см.: НОЕННЕ М. V. *Between Somaliland and Puntland: Marginalization, Militarization and Conflicting Political Visions*. London; Nairobi: Rift Valley Institute, 2015.

Однако Переходное федеральное правительство Сомали не признало автономию Маахира. В этом его поддержали и соседи в лице Сомалиленда и Пунтленда⁵⁷. Обе территории считали Маахир своей неотъемлемой частью, а попытки его обособления – покушением на собственную территориальную целостность. Что же касается властей Могадишо, то они полагали, что в сомалийской квазифедерации и так слишком много субъектов и потому дальнейшая фрагментация не имеет смысла. Кроме того, они не хотели лишней раз раздражать штат Пунтленд, который, в отличие от Сомалиленда и вопреки своим обидам на столицу, не раз выказывал свою преданность федерации, предпочитая независимости автономию.

В начале 2008 года Сомалиленд оккупировал значительную часть территории Маахира. На оставшихся землях, однако, клану варсангали в 2009-м удалось избрать новые органы власти, которые, трезво оценив свои возможности на фоне потенциальной агрессии Сомалиленда, решили отказаться от своих первоначальных планов и вернуться в состав Пунтленда. В знак признательности за такое решение вооруженные силы Пунтленда в начале 2009 года освободили ту часть территории Маахира, которая была занята войсками Сомалиленда. Позволив клану варсангали вернуться к «родине-матери» без потерь, правительство Пунтленда однако не стало настаивать на возвращении также оккупированных соседями земель клана долбаханте, в чем старейшины последнего усмотрели тяжкое оскорбление. Реагируя на эту обиду, элиты долбаханте развернули борьбу за создание внутри сомалийской федерации собственного государства под названием Хатумо.

Проблемный статус региона Хатумо обусловлен тем, что и на него претендуют все те же региональные гегемоны в лице Пунтленда и Сомалиленда, между землями которых он расположен. Регион включает в себя три провинции, заселенные выходцами из кланов долбаханте и варсангали – Сул, Санааг и Айн. С одной стороны, привлекая квазиисторическую аргументацию, власти Пунтленда говорят о том, что в стародавние времена кланы долбаханте и варсангали были объединены под эгидой общего предка из клана маджертин, а потому Пунтленд, будучи продуктом политического самоопределения последней из этих групп, притязает на упомянутые земли вполне законно. С другой стороны, Сомалиленд делает легалистский акцент на том, что до провозглашения независимости территория Хатумо входила в состав Британского Сомали. Оказавшись

57 О диалектических изменениях, претерпеваемых порой политическими установками сомалийских квазигосударств – «the shift “from warlord to landlord”», – подробнее см.: МЕНКНАУС К. *Governance without Government in Somalia: Spoilers, State Building, and the Politics of Coping* // *International Security*. 2006–2007. Vol. 31. № 3. P. 74–106.

под двусторонним давлением более мощных образований и опасаясь фатального ущемления своих клановых интересов, нотабли Хатумо решили взять курс на сближение с Могадишо и формирование при поддержке федералов собственного штата⁵⁸. Клан долбаханте приступил к выковывыванию собственной автономии в 2009 году; его лидерам казалось, что, политически сплотив провинции Сул, Санааг и Айн, они обезопасят себя от соседей-хищников. Жители приграничных районов в основном поддержали план учреждения автономной администрации, напрямую подчиняющейся столичному правительству, – и дело было сделано.

Провозглашение автономии, однако, не только не разрядило обстановку, но, напротив, повлекло за собой новое обострение: Сомалиленд, недовольный таким самоуправством, ввел в анклав свои войска. Вожди долбаханте усмотрели в этом акте явную попытку клана исаак аннексировать их земли и обратились за поддержкой к центральной власти. В результате фактическая автономия в 2012 году повысила свой статус, с благословения Могадишо превратившись в штат. Такой исход, однако, категорически не устраивал Пунтленд, где доминирует та же племенная группа, что и на спорных территориях; его власти посчитали статус штата избыточным. Военная интервенция со стороны Пунтленда, начатая в 2013 году, вынудила правительство Хатумо бежать в Кению. После этого власти Пунтленда объявили, что отказываются считать Хатумо полноценным штатом Сомали, а в стремлении утвердить его суверенитет усматривают действия, направленные на дестабилизацию Пунтленда⁵⁹.

Последующие попытки администрации Хатумо вернуть себе контроль над утраченными территориями не увенчались успехом. Ситуация осложнялась еще и тем, что с середины 2010-х на спорных землях начало укрепляться исламистское движение «Аш-Шабаб». В результате власти Сомали решили подтолкнуть Хатумо к сближению с Сомалилендом, способному, по их мнению, более эффективно противодействовать экстремистской угрозе. Несмотря на раскол, спровоцированный этим решением в элитах долбаханте, в 2017 году президент Сомалиленда и президент Хатумо подписали соглашение, предусматривающее роспуск проблемного штата и его реинтеграцию в состав бывшего Британского Сомали. Поскольку эти договоренности не были признаны всеми участниками конфликта, столкновения в регионе продолжались и в последующие годы. При этом противостояние на всех этапах имело и имеет клановую подоплеку:

58 НОЕННЕ М. V. *Between Somaliland and Puntland...*

59 См.: *Fear in Khatumo ahead of Puntland Polls* // The New Humanitarian. 2013. December 26 (www.the newhumanitarian.org/feature/2013/12/26/fear-khatumo-ahead-puntland-polls).

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

«Государственные образования, претендующие на контроль над провинциями Сул и Санааг, не способны внятно обосновать своих притязания: ни аргумент “земли”, к которому обращается Сомалиленд, ни аргумент “крови”, которым оперирует Пунтленд, не кажутся убедительными. [...] Как бы то ни было, речь должна идти о конфликте не между государствами, а между местными силами, либо добивающимися самоопределения, либо демонстрирующими свою приверженность другому государству»⁶⁰.

Гальмудуг: значимость и недееспособность

В августе 2006 года на территории центральных провинций Гальгудуд и Мудуг появилась новая автономия – Гальмудуг с центром в Галькайо. Ее территориальные границы за прошедшее время неоднократно менялись: сегодня в нее входят провинция Хобье и половина провинции Мудуг. Гальмудуг всегда был весьма важным для Сомали регионом, что обусловлено его географией: он занимает самый центр страны, располагаясь между штатами Пунтленд и Хиршабелле. Фактически здесь проходит условная линия размежевания основных сомалийских кланов (включая и те, что проживают на территории Эфиопии), делящая их на северные и южные, а также на сельскохозяйственные и скотоводческие. Многие политические лидеры Сомали либо были уроженцами этой местности, либо опирались на поддержку обосновавшихся здесь кланов. В Сомали даже бытует убеждение, согласно которому замирение Гальмудуга выступает принципиальным условием успокоения всего Сомали. В то же время за регионом прочно закрепилась репутация «самого недееспособного штата федерации»⁶¹. Когда местные нотабли задумались о самоопределении, они, подобно элитам Пунтленда и Маахира, не предполагали провозглашение независимости и поддерживали федеративную форму территориально-административного устройства, выступая за организацию общенациональной конференции по примирению. С самого образования региона в нем сохраняется довольно нетипичная бинарная структура: если кланы, проживающие к северу от его столицы, ассоциируют себя с Пунтлендом, то кланы, населяющие южную часть, ориентированы на Мудуг⁶².

До принятия Конституции 2012 года территория Гальмудуга представляла собой конгломерат самостоятельных городов-государств, находившихся под контролем одиннадцати мест-

60 KLUIJVER R. KYD2 – State Formation between Puntland and Somaliland (https://robertk.space/somali-studies/kyd2-state-formation-between-puntland-and-somaliland/#_ftn3).

61 См.: *The Galmudug Crisis: A Blueprint for Sustainable Settlement (Policy Brief)*. Mogadishu: Heritage Institute for Policy Studies, 2019 (www.heritageinstitute.org/the-galmudug-crisis-a-blueprintfor-sustainable-settlement/).

62 Подробнее о месте, которое Гальмудуг занимает в системе сомалийского федерализма, см.: YOUSUF Z., ABDI M., ALI A. *Op. cit.*

ных кланов. Они довольно слабо взаимодействовали между собой в силу естественной разобщенности, однако нарастающая внешняя угроза, связанная с выходом на политическую арену Союза исламских судов, вынудила разрозненные племенные элиты договариваться друг с другом ради объединения сил. В 2006 году на территории появилась первая администрация, сформированная подкланом саад, который входит в клан хабр гедир, в 2008-м другой подклан из той же группы, салибан, создал еще одну квазигосударственную администрацию. В то время как хабр гедир закреплялся на севере, в южных провинциях Гальмудуга прочно обосновалась умеренная исламистская группировка «Ахль ас-сунна ва джамаа» (АСВД), игнорирующая клановые различия и борющаяся за доминирование с радикальными исламистами из «Аш-Шабаб». К началу 2010-х нужды консолидации заставили элиты Гальмудуга приступить к формированию единого субъекта сомалийской федерации. В 2014 году состоялись многосторонние переговоры, в ходе которых представители кланов, исламистов и федеральных властей попытались найти формулу, позволяющую учредить новый автономный регион. На выработку консенсуса, однако, ушел целый год: штат Центральные регионы появился на карте страны только в 2015 году.

В рассматриваемом случае федеративное строительство осложнялось особенностью, которая отсутствовала при образовании других субъектов федерации. Если, например, в северной части Сомали в подобных ситуациях требовалось лишь зафиксировать общность позиций различных клановых групп или их кланов, то в данном случае межклановый консенсус нужно было дополнить компромиссом еще и с боевиками из АСВД. За несколько лет существования пусть странной, но все-таки вполне реальной сомалийской федерации представительство различных общественных сил обеспечивалось внедрением клановых квот: схемы подобного квотирования применялись как в отдельных штатах, так и на федеральном уровне. Однако исламистов подобный подход заинтересовать не мог – им нужно было предложить иные модели учета их интересов. Это обогащало федералистскую матрицу новыми методиками.

АСВД отвергала клановые правила игры по двум причинам. С одной стороны, их принятие противоречило бы духу ислама, который не признает никакого разделения внутри мусульманской уммы. С другой стороны, исламисты не могли не понимать, что, согласившись на внедрение сугубо клановой системы, обкатанной в иных местах, они ослабят свою группировку и сделают ее менее значимой. На консультациях, предшествовавших образованию штата Центральные регионы, этот пункт оказался в центре дискуссий. Исламисты тогда заявили, что им хотелось

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

бы участвовать в политическом торге в качестве не клановой структуры, а политической организации; более того, они вообще отказались заседать на учредительном форуме, обвинив федеральные власти в недопустимом вмешательстве в его подготовку. Представители кланов в свою очередь опасались, что участие АСВД как политической организации нарушит клановое равновесие в пользу дир и марехан, выходцы из которых преобладали в рядах исламистов. Согласно выкладкам этих скептиков, из-за такого новаторства нельзя было исключать, что ключевые посты в будущем штате монополизирует одна группа: скажем, должность президента Гальмудуга достанется ей по клановой квоте, а должность премьер-министра она получит благодаря резервированию этого поста за АСВД.

Как бы то ни было, в июне 2015 года на учредительном съезде была принята временная Конституция нового региона, в соответствие с которой в его состав включались в числе прочих и северные земли провинции Мудуг, формально числившиеся за соседним Пунтлендом. На основании этого документа был сформирован парламент Гальмудуга, который избрал руководство штата. АСВД, однако, не принял участия в форуме, проведя альтернативную конференцию; на ней было избрано исламистское руководство штата. В декабре 2017 года при посредничестве федерального президента Ахмеда Дуале Гелле удалось подписать соглашение, закрепившее принципы распределения власти между АСВД и администрацией штата, но оно не смогло снять всех разногласий. Ситуация обострилась в начале 2020-го, когда на президентских выборах в Гальмудуге победил кандидат, поддержанный федеральными властями. Не согласившись с таким итогом, АСВД созвала собственную ассамблею, на которой опять избрала свои органы власти. Спор закончился вооруженным конфликтом между Сомалийской национальной армией и военизированным крылом АСВД, который был погашен лишь с вмешательством клановых старейшин⁶³.

ДЖУБАЛЕНД: ТРУДНОЕ РОЖДЕНИЕ

Коллапс центральной власти, пришедшийся на начало 1990-х, запустил маховик самоопределения и на сомалийском Юге, где в 1998-м бывшие сподвижники Сиада Барре провозгласили независимость государства Джубаленд. Как и следовало ожидать,

63 Подробнее о динамике политического развития в Гальмудуге см.: HARUN I. *Federalism as an Institutional Device for Peace in Somalia: Prospects and Challenges*. PhD dissertation. University of Cape Town, 2021. P. 272–274 (https://open.uct.ac.za/bitstream/handle/11427/35801/thesis_law_2021_harun%20ibrahim.pdf?sequence=1&isAllowed=y).

новорожденное образование не испытывало симпатий к центральной власти, но уже через несколько месяцев его столицу Кисмайо захватили силы, более расположенные к Могадишо. Новая администрация, поддержанная местными кланами, практически сразу заявила о желании сотрудничать с центральным правительством, но ей не удалось развернуться в полную силу, поскольку в 2000-х южные территории Сомали стали стремительно осваивать подразделения исламистов – сперва из Союза исламских судов, а затем из «Аш-Шабаб». В результате миротворческой операции, предпринятой в конце того же десятилетия Африканским союзом, исламистов удалось потеснить; тем самым на Юге были созданы условия для формирования гражданской региональной администрации. В 2010-м в регионе Джубаленд появилось автономное правительство, которое ориентировалось на федеральный центр и выступало против исламского терроризма и экстремизма⁶⁴.

В начале 2013 года в Кисмайо была созвана конференция, призванная разработать план создания штата Джубаленд в составе Сомали. С самого начала к процессу были привлечены представители исламистского Движения раскамбони – военно-политической группировки, появившейся в результате разгрома Союза исламских судов и последующей фрагментации исламистских сил. При этом, в отличие от «Аш-Шабаб», Движение раскамбони тяготело к поддержке центрального правительства и поддерживало создание автономии на территории Джубаленда. В марте того же года на свет появился проект региональной Конституции, в котором признавалось обязательство региона всемерно содействовать федеральному правительству Сомали исходя из национального единства страны и разделения компетенций между федерацией и ее частями. Особо горячо его поддержали кланы раскамбони и огаден. Однако проект отвергли старейшины кланов дигил и мирифле (клановая группа раханвейн), заявившие, что они не были представлены на переговорах должным образом; в противовес они выдвинули альтернативное предложение об учреждении Юго-Западного штата, состоящего из шести регионов. Основываясь на этом демарше, в Могадишо сочли, что процесс создания Джубаленда свернул с конституционного пути, поскольку не все региональные кланы смогли принять в нем участие. Переходное федеральное правительство обвинило местные элиты в манипуляциях общественным мнением, не совместимых с подлинным федерализмом⁶⁵.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

64 См.: THURSTON A. *New Semiautonomous Region in Somalia Vows to Fight Al Shabab* // The Christian Science Monitor. 2011. June 4 (www.csmonitor.com/World/Africa/Africa-Monitor/2011/0406/New-semiautonomous-region-in-Somalia-vows-to-fight-Al-Shabab).

65 О деталях государственного строительства в Джубаленде см.: HARUN I. *Op. cit.* P. 266–271.

За всеми этими процессами скрывалась масштабная игра с широким кругом участников, причем не только местных. Так, в создании Джубаленда были заинтересованы соседние Кения и Эфиопия, всячески поддерживавшие Ахмеда Мохамеда Ислама – действующего президента непризнанной федеральными властями территории. Это вызвало вполне объяснимую обеспокоенность правительства в Могадишо, которое боялось, что слишком тесные связи руководства будущего штата с зарубежными партнерами повлекут за собой ослабление федерального контроля над южной частью страны. В ходе торга, последовавшего за неудачной попыткой суверенизации, власти Могадишо попытались максимально укрепить собственные позиции, приобретая дополнительные гарантии собственной влиятельности в обмен на желаемое местными нотаблями самоопределение. Согласно достигнутым договоренностям, устанавливался двухлетний переходный период, в ходе которого управление штатом возлагалось на исполнительный комитет, возглавляемый действующим главой Джубаленда Ахмедом Мохамедом Исламом. В ведение федеральных властей переходило управление портом и аэропортом Кисмайо, в то время как доходы, получаемые от их деятельности, отправлялись на развитие инфраструктуры штата. За переходный период предписывалось интегрировать вооруженные группировки Джубаленда в состав федеральной армии; в то же время в штате предполагалось сформировать собственные правоохранительные органы⁶⁶. В 2015 году, после того, как власти территории выполнили все условия сделки, учреждение нового штата состоялось, а Ахмед Мохамед Ислам был переизбран на президентский пост.

Вместе с тем Джубаленд остается для федерации проблемной территорией. Во-первых, это потенциально богатый регион, что стимулирует перманентную борьбу местных и центральных элит за его ресурсы и инфраструктуру. Во-вторых, источником напряженности остается клановая неоднородность, выражающаяся в том, что различные местные кланы по-разному воспринимают перспективы сомалийской федерации. В-третьих, в силу неразвитости общенациональной дорожной сети штат не в состоянии поддерживать нормальную коммуникацию с центром – в частности, он полностью отрезан от остальной территории страны в сезон дождей. По мнению некоторых экспертов, это делает Джубаленд неустойчивым образованием, способным в неблагоприятных обстоятельствах распасться на более мелкие территориальные сегменты.

66 WENDOSON A. *Somalia Gives Recognition to Jubaland Interim Administration* // Ethiopian Herald. 2013. September 11.

Юго-Западное Сомали и Хиршабелле: *LAST BUT NOT LEAST*

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Первая администрация Юго-Западного штата, одного из пяти субъектов сомалийской федерации, была сформирована в 2002 году на заседании центрального комитета Армии сопротивления раханвейн, которая в то время контролировала юго-западные районы Бей и Бакол. Решение об этом санкционировали более 70 старейшин из кланов дигил и мирифле, являющихся доминирующими на этой территории. Главной целью, которую преследовала основанная еще в 1995 году Армия сопротивления раханвейн, было укрепление позиций своей клановой группы за счет обзаведения автономией⁶⁷. Однако довольно скоро Армия столкнулась с мощными конкурентами в лице исламистов: в 2009–2012 годах эта группировка отошла на второй план, поскольку регион попал под влияние «Аш-Шабаб». В ноябре 2014 года, после того, как активность радикальных исламистов пошла на убыль, а в стране появилась федеративная Конституция, федеральные власти после консультаций с местными лидерами и общинами санкционировали учреждение временной администрации Юго-Западного штата, в состав которой были включены провинции Бей, Бакол и Нижняя Шабелле. Образование нового субъекта рассматривалось как важный шаг в укреплении федеративной государственности в Сомали. Основная цель, которую ставили перед собой чиновники из Могадишо, заключалась в формировании такой местной власти, которая могла бы обеспечивать безопасность в регионе⁶⁸.

Образы нового штата в глазах инициаторов проекта различались. Если в первом варианте, отстаиваемом некоторыми местными политиками, субъект федерации должен был состоять из трех вышеупомянутых территорий, то второй вариант, за который выступали старейшины основных кланов, предполагал включение в его состав еще и трех провинций, которые на тот момент входили в состав Джубаленда. Логика представителей дигил и мирифле была вполне понятной: им хотелось воспользоваться всеобщей неразберихой, царившей в разоренном войной обществе, и объединить основной ареал проживания двух кланов под крышей одной административно-территориальной структуры. Понятно, что по своему конфликтному потенциалу второй проект заметно превосходил первый.

67 См.: *Somalia: RRA Sets Up Autonomous Region* // ReliefWeb. 2022. April 1 (<https://reliefweb.int/report/somalia/somalia-rra-sets-autonomous-region>); HARUN I. *Op. cit.* P. 274–276.

68 Подробнее о проблемах безопасности на Юге см.: *Political, Security and Humanitarian Matters in Focus on International Partners' Visit to South West State* // United Nations Assistance Mission in Somalia. 2022. September 13 (unsom.unmissions.org/southwest-state-somalia).

Именно компромиссный характер первого проекта, предполагающего трехчленную структуру штата, стяжал ему более внушительную поддержку. Несмотря на то, что в начале 2014 года сторонники шестичленной схемы попытались утвердить собственный вариант региональной Конституции, их инициатива, в конечном счете, провалилась. Важный вклад в это внесла верхушка клана огаден, входящего в клановую группу дарод, выступившая с жесткой критикой объединения шести районов. По мнению старейшин огаден, подобный проект игнорировал мнения целого ряда кланов, населяющих зону предполагаемого административного образования – и клана огаден, в частности. Свою роль сыграла и негативная позиция властей Джубаленда, призвавшего соседей не принимать решения, нарушающие территориальную целостность их административной единицы. В итоге в 2014 году в регионе состоялась конференция под председательством президента Сомали Хасана Шейха Махмуда, посвященная различным аспектам создания Юго-Западного штата. 7 ноября, после завершения двухнедельных дискуссий, было объявлено о создании нового субъекта сомалийской федерации на основе трехчленного проекта.

В целом образование Юго-Западного штата можно расценить как вполне успешный опыт применения федералистских практик в Сомали. В ходе реализации этой инициативы были достигнуты все цели ее авторов: на территории, которая раньше была полем нескончаемых конфликтов, появилась довольно крепкая, по сомалийским меркам, администрация. Это в свою очередь позволило повысить эффективность в управлении ресурсами и сделать жизнь местного населения хотя бы чуть легче.

Последним на сегодняшний день субъектом сомалийской федерации стала учрежденная в 2016 году автономия Хиршабелле, включающая в себя два района, которые располагаются на берегах одной из главных рек Сомали – Шабелле. Этот регион традиционно остается крупнейшей зоной местного животноводства, и поэтому формирование новой административной единицы многократно тормозилось межклановыми дискуссиями о правах на землю, водные ресурсы и выпас скота⁶⁹. Тем не менее после долгих переговоров, в которых участвовали представители местных элит, старейшины кланов и делегаты федерального правительства, удалось договориться как о принципах раздела власти, так и о механизмах разрешения земельных споров. После своего создания штат Хиршабелле не успел отметить сколько-нибудь заметными внутренними конфликтами или столкновениями с федеральными властями. Напротив,

69 HARUN I. *Op. cit.* P. 276–278.

на сегодняшний день его отношения с центром развиваются вполне гармонично.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

* * *

На протяжении более, чем полувековой, истории независимого существования Республика Сомали проделала путь от унитарного государства до *failed state*, пытающегося воссоздать страну на принципиально новом фундаменте. Стоит отметить, что Сомали изначально отличалось предрасположенностью к внедрению федеративных практик из-за высочайшей степени внутренней разобщенности. Хотя появление независимого Сомали стало продуктом творчества колониальных властей, последним удалось тем не менее заложить основы сосуществования различных кланов в единой стране. Однако хрупкое равновесие было нарушено в годы правления Мохамеда Сиада Барре, когда на доминирующие позиции был выдвинут клан мареха, сначала подмявший под себя, а потом и репрессировавший другие кланы. После краха диктатуры в стране началась затяжная гражданская война, ослабившая позиции Могадишо и вынудившая искать новые формы совместной жизни в рамках общего государства. Побочным эффектом этого процесса стало провозглашение независимости Сомалиленда – территории, которая заявила о выходе из состава Сомали и продолжает существовать в качестве никем не признанной.

В случае же с остальными сомалийскими землями логика процесса оказалась иной. В 2000-е началось бурное оформление новых административных единиц, сопровождавшееся весьма близким подобием федеративного торга, в ходе которого инициатива попеременно переходила от центра к регионам и обратно. В результате на свет появились штаты Пунтленд, Гальмудуг, Хиршабелле, Юго-Западный и Джубаленд. В федералистской Конституции 2012 года правовое закрепление получил и федеральный округ Бенадир, в котором расположена столица и который контролируется непосредственно федеральным правительством. Несомненно, главным элементом всего этого процесса было более или менее оптимальное разграничение полномочий между федеральной властью и властями штатов. Вместе с тем федеративный торг по линии «центр–регионы» осложнялся постоянной необходимостью гармонизировать отношения и между самими штатами. Создатели новых штатов неизменно старались учесть традиционные зоны расселения кланов, предпочитая не рассекаать клановых ареалов административными границами. Но в условиях сомалийской чересполосицы такая задача чаще всего оказывалась неразре-

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

шимой, что обращивалось территориальными спорами, иногда с применением насилия.

Еще одним вызовом для молодой сомалийской федерации стало распространение в стране исламистских движений, которые в силу своей идеологии отрицают клановость как таковую. Стремление сомалийских властей выработать такие конституционные принципы, которые одновременно позволили бы уважать клановую специфику и инкорпорировать исламистов в политическую систему, пока не увенчалось успехом. Но, возможно, федерализм поможет им в этом.

Услышав словосочетание «федерализм в Сомали», отнюдь не стоит снисходительно отмахиваться, воспринимая его как чистое противоречие в терминах.

Будущее сомалийского федеративного эксперимента пока остается туманным, хотя кое-что определенное о нем можно сказать уже сегодня. Клановый федерализм по-сомалийски в очередной раз доказал, что сочетание самоуправления и разделенного правления не роскошь, доступная только богатым и благополучным странам; федеративная идея способна приносить пользу и тем государствам, где пока нет ни богатства, ни благополучия. В любом случае, услышав словосочетание «федерализм в Сомали», отнюдь не стоит снисходительно отмахиваться, воспринимая его как чистое противоречие в терминах.